

Чжан Сань почувствовал, как его голова со звучным щелчком провернулась на триста шестьдесят градусов, возвращаясь в нормальное положение. Однако, взглянув на свои ладони, сплошь покрытые липким багровым соком питайи, он не решился поправить причёску, чтобы окончательно не испачкаться.

В итоге, являя миру зрелище явно не для слабонервных, он невозмутимо уставился на ошарашенного брата Тигра.

— Ты меня искал?

У того глаза моментально закатились, и он мешком рухнул на землю, лишившись чувств.

Рядом один из приспешников, уже распластавшийся в пыли, в ужасе уставился на поверженного вожака и истошно завопил:

— Брат Тигр!!!

Надо же, их грозного лидера насмерть напугал призрак!

Чжан Сань со сдержанным недоумением посмотрел на недоеденный фрукт и попытался сделать ещё один укус.

Тут-то и выяснилось, что рот теперь находится с противоположной стороны. Пришлось извернуться и далеко завести руку за затылок.

После мучительных, почти жалобных усилий ему всё же удалось донести питайю до губ. Лениво пережёвывая мякоть, он наблюдал за бандой брата Тигра. Под давлением его жутковатого перформанса громилы один за другим валялись на землю, спешно притворяясь мёртвыми.

С лицом, щедро измазанным неоновым розовым соком, Чжан Сань повернулся к своим новоиспечённым подручным:

— У них что, с сердцем проблемы? Может, стоит вызвать неотложку?

Шестёрки, чьи колени ходили ходуном, застыли на месте.

«Да мы и сами сейчас в обморок грохнемся!»

Маленький помощник наконец не выдержал и истошно заорал в его сознании:

— Да следи ты за своей головой! На тебе сейчас человеческое тело, прекрати вести себя как грёбаный робот!

В этот самый момент автомобиль Ли Си медленно въезжал на территорию роскошного поместья Ли.

— Четвёртый господин, здесь припарковаться? — вежливо поинтересовался водитель.

Ли Си сидел на заднем сиденье с закрытыми глазами, погружённый в глубокую задумчивость. Спустя пару мгновений он глухо произнёс:

— Разворачивайся.

Шофёр опешил.

— Простите? Куда едем?

Ли Си открыл глаза, и в его взгляде блеснула холодная решимость.

— Назад, к мосту.

Тем временем у эстакады брат Тигр, под чутким руководством своих бывших подчинённых, выплакал ведро горьких слёз, раскаялся во всех грехах молодости и торжественно присягнул на верность Чжан Саню, официально став его Миньоном Номер Один.

— Брат Тигр, отныне мы за вас в огонь и в воду! Весь картон и пластиковые бутылки, что соберём, будем в первую очередь сжигать на вашей могилке! Только свистните — мы ради вас и люки воровать пойдём, и в шахты спустимся углём дышать. Если надо — и яйца птичьи из гнёзд стащим, и из пушки бабахнем...

— Люки оставьте в покое, — прервал его излияния Чжан Сань. — Как молодой человек, воспитанный в духе социализма, я категорически против криминала. Но если уж соберётесь что-то украсть, меня в дело не вмешивайте и властям не сдавайте.

Маленький помощник мысленно фыркнул:

— А ты быстро освоился! Полюбуйся на свою бандитскую рожу. Куда делся тот

высокоморальный аудитор из Литературного города Новых Веяний?

Чжан Сань сокрушённо вздохнул:

— Не я такой, мир такой.

Помощник предпочёл промолчать.

Миньон Номер Один услужливо присел на корточки и принялся аккуратно разминать затекшие ноги Чжан Саня.

— Стоит вам только приказать, шеф, и мы костями ради вас ляжем!

У Чжан Саня загорелись глаза:

— Ложиться костями не надо. Но у вашего босса действительно есть одна деликатная проблема, и тут без помощи верной братвы не обойтись. Если поможете — век не забуду. Как только поднимусь, лично выпишу каждому по коробке соуса Лаоганма!

Брат Тигр тут же вспомнил один из тех заезженных сериалов, что крутили по телевизору: неупокоенные души задерживаются в мире живых лишь из-за невыполненных желаний или затаённой обиды. Если помочь этому призраку обрести покой, он наверняка уберётся восвояси.

В глазах бандита вспыхнул огонёк надежды:

— Босс, я чисто спросить... не подумайте, что тороплю... Но если мы закроем этот вопрос, вы ведь уйдёте? Насовсем?

— Само собой, — кивнул Чжан Сань.

«Надо поскорее сбыть эту хрень собачьему вору Ли Си. Швырну её прямо в его наглую харю и скажу: "Забирай своё барахло и проваливай, и чтобы я тебя больше не видел!"»

Остальные гопники воспряли духом, на их глазах заблестели слёзы умиления:

— Босс, будьте покойны, мы кожей на барабан натянемся, а сделаем! Да мы ради вас даже брата Тигра на панель отправим, если потребуется!

Рыдавший от избытка чувств брат Тигр мгновенно застыл с каменным лицом.

«И почему в этом мире крайним всегда остаюсь я?»

Чжан Сань растроганно обвёл взглядом свою новую свиту:

— Золотые вы люди! Обрести таких соратников — истинное благословение. Короче, задача следующая: нужно накатать научную работу тысяч на пятьдесят слов. Тема...

Чжан Сань замялся и мысленно позвал напарника:

«Слышь, Мелкий, о чём там доклад-то должен быть?»

Помощник закатил глаза, искренне недоумевая, как этот олух вообще умудрился дожить до своих лет.

— О практическом применении политической экономии.

— Точно! О практическом применении политэкономии! — пафосно объявил Чжан Сань. — План надёжный, как швейцарские часы. Нас тут ровно десять человек. По пять тысяч слов на брата — и дело в шляпе! Сами небеса нам покровительствуют!

Его голос звенел от напускного энтузиазма.

Но в ответ раздался лишь тихий, жалобный треск разбитых надежд. Новоявленные соратники сникли.

Брат Тигр выдавил из себя виноватую улыбку:

— Босс... Дело не в том, что мы не хотим помочь. Просто с грамотой у нас... не очень. Я среди местных самый образованный, да и то только до восьмого класса дотянул. Тут мы бессильны.

Один из парней робко поднял руку:

— Шеф, я даже не знаю, как пишется слово "экономика".

Чжан Сань онемел.

Его искусственная жизнь в одно мгновение лишилась всяких перспектив.

Вдруг из толпы приспешников несмело поднял руку парень в очках, один из тех, кто пришёл вместе с братом Тигром.

— Это... Босс, кажется, я могу подсобить. Я в магистратуре изучал экономические науки. Мой куратор как раз на политэкономии собаку съел...

Стоило Очкарику договорить, как бывшие подельники уставились на него с такой яростью, словно он лично обокрал их сиротский приют.

Их взгляды буквально вопили: "Ты мало того что университет закончил, так ещё и в магистратуру втихаря затесался?! Предатель и шпион!"

Брат Тигр тоже выглядел глубоко уязвлённым:

— Погоди-ка! Ты же втирал мне, что твой парень сбежал с твоим же отцом, отчего ты с горя перекрестился в натуралы?! А когда привёл домой невесту, её увела твоя родная мать, после чего ты окончательно разочаровался в человечестве и пошёл бродяжничать?! Я ж тебя чисто из жалости на трассе подобрал!

Оказалось, что самый высокий уровень образования в их банде был у какого-то интеллигента. Престиж главаря затрещал по швам.

Пойманный с поличным Очкарик готов был провалиться сквозь землю от жгучего стыда.

— Ну... зачем же при всех грязное бельё полоскать... — пробормотал он, заливаясь краской. — Про диплом я просто к слову не пришлось.

Остальные гопники уважительно притихли.

«Ничего себе сюжетные повороты...»

Даже у Чжан Саня в глазах замелькали воображаемые титры. Такой роскошный бэкграунд потянул бы на добротную мыльную оперу серий эдак на восемьдесят.

Собрав волю в кулак, Очкарик обратился к Чжан Саню:

— Босс, к какому числу нужно сдать работу?

Чжан Сань коршуном налетел на парня, крепко сжал его ладони и воодушевлённо затряс их:

— Какой ещё "босс"? Отныне ты мне как брат родной! К завтрашнему утру справишься?

Очкарик растерялся:

— Шеф... Пятьдесят тысяч слов за одну ночь — это физически нереально... Но если горит, я могу отдать тебе черновик своей магистерской диссертации. Мне она всё равно без надобности. Правда, там не хватает примерно десяти тысяч слов. Если тебя это не смутит...

Не дав ему договорить, Чжан Сань закивал с частотой отбойного молотка:

— Вообще не смутит! Кто брезгает, тот пёс сутулый!

Очкарик поправил очки на переносице:

— Тогда придётся заняться кройкой и шитьём. Соберём лоскутное одеяло из моих старых статей. Но учтите, некоторые из них уже публиковались, так что есть риск погореть на плагиате...

Для Чжан Саня, который в своём мире бдил на страже авторских прав в Литературном городе Новых Веяний Новых Веяний, подобное предложение было ударом ниже пояса. Даже если инициатива исходила от самого автора, профессиональная гордость корчилась в муках. Модератор, сознательно идущий на плагиат — это же плевок в душу всей системе! Нанять кострайтера — уже за гранью добра и зла, а тут такое...

Спустя ровно пять секунд отчаянной внутренней борьбы Чжан Сань с каменным лицом вынес вердикт:

— Сделай так, чтобы швы не сильно бросались в глаза.

Очкарик завис.

— И это вся твоя хвалёная совесть?! Пять секунд?! — возмутился в его голове Маленький помощник.

Чжан Сань страдальчески вздохнул:

— Каюсь, я грязный, беспринципный обыватель. Презирайте меня, проклиняйте, клеймите позором. Мои идеалы растоптаны, а рамки приличия давно стёрты.

Покончив с самобичеванием, Чжан Сань резко развернулся к Очкарику и просял:

— Друг мой, вся моя дальнейшая судьба теперь зависит только от тебя!

Маленький помощник обречённо вздохнул:

— Ты же цензор! И сам же потворствуешь воровству чужого труда. Где твоя профессиональная этика?

Вдруг шутовская гримаса соскользнула с лица Чжан Саня. В его глазах отразилась несвойственная ему холодная глубина, заставившая помощника испуганно притихнуть.

— Мелкий, ты, кажется, забыл одну простую вещь. Мы не в реальном мире. Всё, что я делаю — лишь способ побыстрее закрыть этот чертов контракт и выбраться отсюда. Ты слишком увлёкся сопереживанием местным декорациям. Для системного помощника это недопустимая слабость. Не путай работу с реальностью. Каким бы живым ни казалось это место, оно фальшивка от начала и до конца. А твой менторский тон, кстати, очень напоминает мне моего менеджера.

Маленький помощник замер, ощутив, как виртуальный холодок пробежал по его цифровым цепям. Глядя на непривычно сосредоточенное лицо Чжан Саня, он решил благоразумно замолчать.

Отношение ассистента к подопечному всегда оставалось двойственным. Временами Чжан Сань казался беспросветным глупцом, но порой его ледяная рациональность откровенно пугала. Он был продуктом своей системы — существом, неспособным на искренние привязанности. Проще говоря, у этого парня не было никаких моральных барьеров.

Чжан Сань уныло воззрился на бетонные балки эстакады и меланхолично изрёк:

— Годы модерации сделали моё сердце холоднее, чем нож забойщика рыбы в Дажуньфа. Я просто одинокий, безжалостный волк.

Маленький помощник мысленно закатил глаза.

«И всё-таки показалось. Дурак дураком. Даже когда пытается нагнать драмы, выходит обычный дешёвый пафос».

Пока Чжан Сань мысленно праздновал избавление от академической кабалы, из темноты вынырнул один из приспешников, волоча за собой набитый пластиковыми бутылками мешок.

— Шеф! Я там у реки тару собирал и заметил девчонку! Кажется, топить собралась!